

ОПТИМИЗАЦИЯ ОСНОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Кобец Петр Николаевич

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва,
Россия

pkobets37@rambler.ru

Аннотация. Автором проведён анализ процессов динамического развития норм уголовного законодательства в военный период 1941–1945 гг. Целью проведённого исследования выступила необходимость последующего расширения научно обоснованных знаний, раскрывающих причинный комплекс, особенности и результаты основных процессов формирования уголовно-правовых законодательных основ в военные годы. Для этого автором было проанализировано эволюционирование норм отечественного уголовного законодательства в рассматриваемый исторический период, изучены его особенности, характеристики и отличительные черты. В процессе данной законотворческой работы произошло не только совершенствование норм анализируемой отрасли права, установленных в довоенный период, но и принятие новых законодательных норм, чрезвычайно необходимых для страны и отвечавших требованиям военного периода 1941–1945 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, меры уголовной ответственности, советское уголовное законодательство, репрессивные мероприятия, санкции.

Для цитирования: Кобец П. Н. Оптимизация основ уголовно-правового законодательства в годы Великой Отечественной войны // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 37–43.

OPTIMIZATION OF THE FUNDAMENTALS OF CRIMINAL LEGISLATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Peter N. Kobets

National Research Institute of the Ministry of Interior Affairs of Russia, Moscow,
Russia

pkobets37@rambler.ru

Annotation. The author analyzes the processes of dynamic development of criminal law norms in the war period 1941-1945. The purpose of the conducted research was the need for further expansion of scientifically based knowledge, revealing the causal complex, features and results of the main processes of formation of criminal law legislative bases during the war years. For this purpose, the author analyzed the evolution of the norms of domestic criminal legislation in the historical period under consideration, studied its features, characteristics and distinctive features. In the process of this legislative work, not only the improvement of the norms of the analyzed branch of law established in the pre-war period took place, but also the adoption of new legislative norms that were extremely necessary for the country and met the requirements of the 1941-1945 war period.

Keywords: Great Patriotic War, measures of criminal responsibility, Soviet criminal legislation, repressive measures, sanctions.

For citation: Kobets P. N. Optimization of the basis of criminal legislation during the Great Patriotic War // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova. 2025. 3(104). P. 37–43.

Законодательные нормы не могут находиться в неизменном состоянии, поэтому динамично совершенствуются, выступая в качестве активно развивающейся правовой системы, которая чрезвычайно важна для координации, контроля и администрирования разного рода социальных связей и общественной деятельности. Подобные процессы происходили в ходе различных исторических периодов. В частности, одним из важнейших и значимых периодов по формированию и усовершенствованию уголовно-правовых законодательных норм является временной промежуток 1941–1945 гг., когда всей стране пришлось в максимальной степени привлечь имеющиеся возможности, потенциалы, мощности и ресурсы, чтобы выстоять и победить в одной из самых страшных и смертоносных войн человечества.

Важнейшей из особенностей уголовного законодательства военного периода стало возложение на советское население разного рода обязательств, обусловленных необходимостью оказания им самого активного сопротивления немецким захватчикам. Именно по данной причине законодатели разработали, а власти ввели различные меры уголовной ответственности в случае невыполнения установленных законодательных требований. К примеру, «уже 22 июня 1941 г., согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР (далее – ПВС СССР), в тех местностях, где было объявлено военное положение, вступили в силу правила противовоздушной обороны»¹, а лиц, их не соблюдавших, приравнивали к нарушителям важной государственной обязанности. По данному вопросу было дано «разъяснение Пленумом Верховного Суда СССР 26 июня 1941 г. № 25/10/у «О квалификации нарушений правил и распоряжений по местной противовоздушной обороне», которым указывалась, что в случае злостных нарушений обозначенного правила виновные должны быть привлечены к мерам уголовной ответственности по ст. 59 УК РСФСР и УК союзных республик» [1, с. 90]. Также хотелось специально отметить, что в соответствии с Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 июня 1941 г. все граждане обязаны были в течение пяти суток сдать личные радиоприёмники в органы Наркомата связи. В случае несоблюдения указанного требования виновных следовало привлекать к мерам уголовной ответственности по ст. 59 УК РСФСР по разъяснению Пленума Верховного Суда СССР от 14 июля 1941 г. № 29/13/у «О квалификации случаев уклонения от сдачи радиоприёмников и радиопередающих устройств» [2, с. 90].

Отступление воинских частей и, как следствие, большие потоки беженцев из числа гражданского населения оказывали весьма негативное воздействие на рост слухов и панических настроений. И чтобы противодействовать подробным паническим настроениям, ПВС СССР издаёт Указ 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения», вводя санкцию от двух до пяти лет в тех случаях, если указанное выше деяние не приводило к более тяжким мерам уголовного наказания². Ещё одним направлением, изменившим уголовно-правовую политику военного периода, стало

¹ Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий «О военном положении»: указы Президиума Верховного Совета СССР от 22-го июня 1941 г. М.: Юриздат, 1942. 16 с.

² Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения: указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г. Сборник указов Президиума Верховного совета СССР, изданных в связи с войной против немецкого фашизма. 1941.

частое применение мер наказания, которые не были связаны с изоляцией, а также введение отсрочки приговора до окончания войны и досрочное освобождение по Указу ПВС СССР от 12 июля 1941 года «Об освобождении от наказания осуждённых по некоторым категориям преступлений»¹.

Важно отметить, что, как показала практика военных лет, укрепление дисциплины в тылу пришлось проводить на протяжении всего военного периода, и эта работа могла быть в необходимой мере обеспечена только благодаря вводимым законодательным мерам, носившим репрессивный характер. В отношении всех гражданских лиц, работающих на разного рода предприятиях, по Указу ПВС СССР от 26.06.1940 «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий, и учреждений» «пришлось вводить меры уголовной ответственности вместо дисциплинарных, действовавших до войны» [3, с. 6]. А по Указу ПВС СССР от 26.12.1941 «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» санкцию назначили до восьми лет лишения свободы. Кроме того, во время военных действий Указом ПВС СССР от 07.07.1943 пришлось ввести трудовую повинность, а все лица, которые уклонись от этого законодательного требования, наказывались штрафом или административным арестом до шести месяцев.

В том числе нельзя не указать и на то, что в самом начале рассматриваемого исторического периода большинство уголовно-правовых норм, как и институтов, принятых до войны, сохранялись и продолжали своё действие. Процессы уголовно-правовой законодательной трансформации, которые стали происходить с началом военного периода 1941–1945 гг., в значительной степени диктовались разного рода потребностями и запросами рассматриваемого временного отрезка и, кроме того, возникающими тенденциями модернизации уголовно-правового регулирования общественных отношений.

Действовавший в условиях войны Уголовный кодекс РСФСР (далее – УК РСФСР) 1926 года располагал небольшой численностью уголовно-правовых норм, которые могли быть использованы в условиях военного времени, поэтому пришлось экстренно вводить новые составы преступных посягательств, а также усиливать меры уголовной ответственности действующих правовых норм. В связи с этим Общую часть УК РСФСР регулярно дополняли различными указами, в частности: указом от 27.02.1942 «Об отсрочке исполнения приговоров в отношении работников железнодорожного и водного транспорта»², от 26.02.1943 «О признании не имеющими судимости военнотружущих, проявивших себя стойкими защитниками родины и освобождённых судом от наказания» [4, с. 195] и др. Рассматривая эволюционирование норм отечественного уголовного законодательства во время войны, немаловажно отметить, что режим военного положения стал отягчающим обстоятельством в процессе решения вопроса о наказании. Данные обстоятельства в обязательном порядке учитывались в ст. 31 и 22 УК РСФСР, которыми регулировались меры уголовной ответственности воинских преступлений.

Также следует указать, что в это время получила широкую распространённость реализация уголовного законодательства по аналогии, когда в целях восстановления

¹ Об освобождении от наказания осуждённых по некоторым категориям преступлений [Электронный ресурс]: указ Президиума ВС СССР от 12 июля 1941 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об отсрочке исполнения приговоров в отношении работников железнодорожного и водного транспорта: указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1942 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. № 8.

правовых пробелов приходилось применять законодательные нормы, специально не предусмотренные, но в то же время аналогичные тем, которые непосредственно регулировались действующим законодательным актом. В советский период данный правовой институт закрепился и был оформлен постановлением ЦИК СССР от 31.10.1924 «Основными началами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», в «ст. 3 которых был чётко установлен исключительный характер аналогии в тех случаях, когда опасные преступные проявления не были предусмотрены уголовным законодательством» [5, с. 136]. В то же время УК РСФСР 1926 года также воспроизводил положения УК РСФСР 1922 года, включив ряд основных положений, нашедших закрепление в Союзном уголовном законодательстве¹. И поскольку в УК РСФСР 1926 года в определении преступления отсутствовал признак противоправности, в военное время мог действовать институт законодательной аналогии.

При этом к хорошо известному в отечественном уголовном законодательстве институту аналогии старались прибегать и обращаться при тех обстоятельствах, когда меры ответственности за совершаемые противозаконные деяния не были предусмотрены действующими уголовно-правовыми составами. В большинстве случаев применение данного института было обусловлено и связывалось с непростыми этапами либо кризисными ситуациями в стране. Академические научные подходы среди отечественных учёных к применению данного института были чёткими и ясными и сводились, как правило, к тому, что он не должен существовать в юриспруденции, вместе с тем в качестве промежуточной и временной альтернативы его использование всё же допускали. Институт аналогии в годы Великой Отечественной войны «применяли в тех случаях, когда в уголовно-правовой системе действовали законодательные нормы, которыми были предусмотрены меры ответственности за схожие преступные проявления» [6, с. 115].

К примеру, в случае незаконного ухода с предприятий военного значения лица могли быть осуждены за дезертирство, а за совершение хищения имущества из жилища граждан, которые находились в бомбоубежищах, виновные несли ответственность как за совершение бандитизма. В том числе деяния, связанные с реализацией разного рода продукции по завышенным ценам, наказывались, как в случае совершения спекуляции [7, с. 142]. Использование обозначенного института позволило существенно расширить формулировку ряда уголовно-правовых норм, предусматривающих меры уголовной ответственности за совершение спекуляций, хищений и других составов. Анализируемые законодательные процессы были переопределены и неизбежны, потому как в военный период продолжали своё действие нормы довоенного законодательства. По мнению мэтров отечественной уголовно-правовой науки Н. Ф. Кузнецовой, [8, с. 92] и А. А. Пионтковского [9, с. 44], применение института законодательной аналогии принесло существенную и неоценимую пользу в работе отечественных правоохранителей по противодействию преступным проявлениям в рассматриваемый исторический период.

Также нельзя не отметить и того факта, что в военный период законодателям также пришлось внести ряд корректив в цели наказания. К примеру, в довоенный период, как правило, прибегали к употреблению термина «карается», но не упоминали такое слово как «возмездие». Но поскольку немецко-фашистскими захватчиками проводились нечеловеческие акты агрессии в отношении советских граждан, встала необходимость именно возмездия за все их совершённые злодеяния. Именно по этой причине в военный период вводились более жёсткие меры уголовной ответственности, связанные

¹ Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года // Собр. узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР. 1926. Отд. 1, № 80. С. 945–996.

с возмездием в отношении фашистов и их пособников. К примеру, по «Указу ПВС от 19.04.1943, в виде возмездия за совершение преступных посягательств немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками устанавливалась смертная казнь через повешение либо ссылка на каторжные работы на срок от 15 до 20 лет» [10, с. 91].

Проведённое исследование позволяет сделать ряд выводов. Так, действовавшая перед наступлением военного конфликта между СССР и Германией система уголовного наказания требовала не только некоторого изменения, а кардинального преобразования в военное время. Решение данной задачи отечественные законодатели представляли не только в дополнении имеющихся правовых составов преступных посягательств новыми нормами, но также криминализацией разного рода правонарушений и проступков, носивших гражданско-правовой, административный и дисциплинарный характер.

Подобный законотворческий подход был в первую очередь вызван недостатком составов преступных посягательств, которые должны были применяться во время войны, а также сложностями использования в отношении противозаконных действий, которые были совершены в военное время, правовых положений, которые были разработаны для условий мирной жизни.

В военные годы самые существенные и значительные изменения, трактовавшие субъектный состав преступных проявлений, касались специальных субъектов. В первую очередь данное положение дел в рассматриваемой сфере объяснялось изменениями, которые произошли с правовыми ценностями в данный исторический период. Развитие процессов активизации всей жизнедеятельности на борьбу с врагом в существенной мере способствовало развитию процессов криминализации гражданско-правовой области и сблизило правовой режим общих и специальных субъектов уголовно-правовой сферы, распространив механизм применения мер уголовной ответственности на всё трудовое население страны, которые до войны были разными для горожан и сельских жителей.

Кроме того, во время войны законодатели ввели новую категорию субъектов преступной деятельности – фашистские преступники и пособники фашистов. И как отмечали отечественные правоведы, действия вышеупомянутых лиц необходимо было рассматривать по территориальному признаку [11, с. 136]. Примечательным является и то, что в процессе квалификации преступных посягательств в военное время приоритетное значение стало отводиться их большой общественной опасности. Немаловажно и то, что общим субъектом преступного посягательства в соответствии с нормами действующего законодательства рассматриваемого периода были дееспособные физические лица, которые достигли возраста 16 лет. При этом в случаях совершения особо тяжких преступных посягательств возможно было уголовное преследование 12-летних¹.

Процесс активного развития механизмов по уголовно-правовому регулированию в военные годы затронул не одни общие принципы привлечения к мерам уголовной ответственности, но также в целом всю уголовно-правовую систему. Данные преобразования стали следствием не только возросших требований к процессам активизации всей жизнедеятельности страны, направленные на усиление всенародной борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, но также дефицитом правовых норм, которые должны были использоваться для регулирования уголовно-правовых отношений в военный период.

Совершенствование законодательных норм в рассматриваемый период в том числе было обусловлено необходимостью усиления мер ответственности за совершение

¹ Об уголовной ответственности несовершеннолетних: указ Президиума ВС СССР от 31 мая 1941 г. // Ведомости ВС СССР. 1941. № 25.

чрезвычайно опасных преступных посягательств в военное время. И если до наступления войны многие из правонарушений имели категорию дисциплинарных проступков, то в условиях военной обстановки невыполнение работниками сельского хозяйства обязательного минимума трудодней либо нарушение норм трудовой дисциплины лицами, мобилизованными для работы на предприятиях военной промышленности, переходило в категорию преступных посягательств, которые предусматривали меры наказания в виде исправительно-трудовых работ либо отправку в действующую армию.

Подводя итоги проведённому анализу мер по совершенствованию законодательства военного времени, отметим, что в большинстве своём всем принятым законодательным нормам военного периода присуща чёткость юридических формулировок, а их содержательная часть в полной мере отвечала всем запросам, ожиданиям и потребностям общества, находящегося в условиях военного положения и оказывающего активное сопротивление врагу. Также необходимо подчеркнуть, что вместе с принятием новых законодательных норм, отвечающих потребностям военного времени, в большинстве своём продолжало действовать довоенное законодательство, часть норм которого смогли дополнить и приспособить к обстановке военного времени.

1. Хабибуллина Л. Р., Петаева М. Н. Особенности уголовного права СССР в годы Великой Отечественной войны // Правовестник. 2019. № 6(17). С. 89–91.
2. Невский С. А. Органы внутренних дел в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 4(36). С. 105–111.
3. Рогалева Н. В. Уголовно-правовая политика Советского государства в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кузбасского института. 2011. № 2(5). С. 4-8.
4. Лелеков В. А., Бородин А. Д. Уголовная политика в СССР в предвоенные, военные и послевоенные годы (1935-1960 гг.) // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2020. № 2. С. 194–200.
5. Никонов Д. А. Советское чрезвычайное военное законодательство (1920 – 1941 гг.): монография / под ред. Б. П. Белозерова. СПб: Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России, 2006. С. 126–146.
6. Епифанова Е. В. Аналогия в уголовном праве: история и современность // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 1. С. 113–117.
7. Черепанова Е. В. Уголовное право в годы Великой Отечественной войны: основные тенденции развития // Журнал российского права. 2010. № 10(166). С. 139–145.
8. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 232 с.
9. Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права. Часть общая: в шести томах. Т. 2. Преступление; под ред. А.А. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. М.: Наука, 1970. 515 с.
10. Трайнин А.Н. Уголовная ответственность гитлеровцев. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944. 105 с.
11. Калинин А. А. Особенности применения военно-уголовного законодательства в годы Великой Отечественной войны // Военное право. 2017. № 4(44). С. 133–138.

1. Xabibullina L. R., Petaeva M. N. Osobennosti ugolovno go prava SSSR v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` // Pravovestnik. 2019. № 6(17). S. 89–91.
2. Nevskij S. A. Organy` vnutrennix del v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941-1945 gg // Vestnik Vserossijskogo instituta povы`sheniya kvalifikacii sotrudnikov MVD Rossii. 2015. № 4(36). S. 105–111.

3. Rogaleva N. V. Ugolovno-pravovaya politika Sovetskogo gosudarstva v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2011. № 2(5). S. 4-8.
4. Lelekov V. A., Borodin A. D. Ugolovnaya politika v SSSR v predvoenny`e, voenny`e i poslevoenny`e gody` (1935-1960 gg.) // Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii. 2020. № 2. S. 194-200.
5. Nikonov D. A. Sovetskoe chrezvy`chajnoe voennoe zakonodatel`stvo (1920 - 1941 gg.): monografiya / pod red. B. P. Belozerova. SPb: Sankt-Peterburgskij voenny`j institut vnutrennix vojsk MVD Rossii, 2006. S. 126-146.
6. Epifanova E. V. Analogiya v ugolovnom prave: istoriya i sovremennost` // Aktual`ny`e problemy` e`konomiki i prava. 2008. № 1. S. 113-117.
7. Cherepanova E. V. Ugolovnoe pravo v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`: osnovny`e tendencii razvitiya // Zhurnal rossijskogo prava. 2010. № 10(166). S. 139-145.
8. Kuzneczova N. F. Prestuplenie i prestupnost`. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1969. 232 s.
9. Piontkovskij A. A. Kurs sovetskogo ugolovnogo prava. Chast` obshhaya: v shesti tomah. T. 2. Prestuplenie; pod red. A.A. Romashkina, V.M. Chxikvadze. M.: Nauka, 1970. 515 s.
10. Trajnin A.N. Ugolovnaya otvetstvennost` gitlerovcev. M.: Yurid. izd-vo NKYu SSSR, 1944. 105 s.
11. Kalinin A. A. Osobennosti primeneniya voenno-ugolovnogo zakonodatel`stva v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` // Voенное право. 2017. № 4(44). S. 133-138.

Информация об авторе

Петр Николаевич Кобец. Главный научный сотрудник Центра организационного обеспечения научной деятельности, доктор юридических наук, профессор.
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России.
121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 25, стр. 1

Information about the author

Peter N. Kobets. Chief Researcher of the center for organizational support of scientific activities, Doctor of Law, Professor.
National Research Institute of the Ministry of Interior Affairs of Russia.
121069, Russia, Moscow, Povarskaya Str., 25, b. 1.

Статья поступила в редакцию 23.06.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.

The article was received in the editorial office on 23.06.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.